

типъ сибирскій, — все это весьма несходныя варіаціи, подробное изслѣдованіе которыхъ въ извѣстной систематической цѣлости представило бы величайшій интересъ какъ научный, такъ и общественный. У насъ есть множество отдѣльныхъ очерковъ разныхъ сторонъ народнаго быта, между прочимъ, множество мѣстныхъ описаній, иногда изъ глухихъ захолустьевъ, — но все это остается знаніемъ анекдотическимъ, необъединеннымъ, гдѣ одинъ изслѣдователь не знаетъ о другомъ и гдѣ ихъ работы, не руководимыя однимъ научно-теоретическимъ взглядомъ, остаются личнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго писателя. За такія бытовыя описанія брались иногда извѣстные беллетристы (какъ напр. въ той этнографической экспедиціи конца 50-хъ годовъ, въ которой участвовали Максимовъ, Писемскій, Потѣхинъ и др.); труды ихъ были очень полезны и новыми фактами и популяризацией этнографическаго знанія, — но это были такъ сказать живописные очерки быта, которымъ недоставало научныхъ опредѣленій. Въ послѣднія десятилѣтія, когда въ повѣствовательной литературѣ такъ распространились народно-бытовые сюжеты, нерѣдко можно было встрѣчать въ ней любопытнѣйшія черты мѣстныхъ нравовъ, — о которыхъ приходилось жалѣть, что находишь ихъ въ повѣсти, а не въ этнографическомъ сочиненіи (напомнимъ рассказы Мельникова, Потѣхина, Максимова, въ послѣднее время — Успенскаго, Златовратскаго и т. д. и т. д.). И сколько остается еще краевъ, которые едва затронуты изслѣдованіемъ или даже вовсе нетронуты! До сборниковъ Рыбникова, не далѣе какъ около 1860 года, неизвѣстна была великая этнографическая достопримѣчательность — живой народный эпосъ, хранящійся въ олонецкомъ краѣ; до путешествія Гильфердинга мы не имѣли понятія о краѣ и людяхъ, среди которыхъ берегалось стародавнее преданіе, — но эта былина, здѣсь случайно открытая, заняла теперь мѣсто въ ряду знаменательнѣйшихъ созданій нашего народнаго эпоса и въ этомъ качествѣ стала уже обычной принадлежностью популярныя книгъ и учебниковъ. Случайные туристы находили въ высокой степени любопытныя этнографическія данныя на крайнемъ сѣверѣ, на Волгѣ и Уралѣ, въ Сибири, на Кавказѣ (здѣсь, напр. изумлялись оригинальному быту гребенскаго казачества, его нравамъ и обычаямъ, хранящимъ много неподдѣльной старины), — но этотъ любопытнѣйшій этнографическій матеріалъ еще не дождался своего собирателя. Нѣтъ сомнѣнія, что не только въ подобныхъ исключительныхъ и уединенныхъ краяхъ, но и въ самыхъ доступныхъ мѣстностяхъ найдется, — надо только внимательно поискать, — множество интереснаго, чего мы до сихъ поръ не подозреваемъ.